

В. П. Аничков

ЕКАТЕРИНБУРГ. РЕВОЛЮЦИЯ

*Подготовка к печати, вступительная статья
и комментарии профессора МГУ А. В. Квакина*

Современная стадия изучения истории российской интеллигенции характерна появлением живой истории, подлинно гуманитарной науки, где мыслят и действуют живые люди со своими характерами, потребностями и интересами. И это живое знание не только обязано разрушить старые догматические схемы борьбы белого и красного партийно-политических лагерей за массы, но и должно позволить представить многочисленные факты и описания, содержащиеся в исторических трудах, в более упорядоченном виде и приблизиться к решению той задачи, которую ставят перед собой современные историки — «попытаться понять людей, бывших свидетелями тех или иных фактов, позднее запечатлевшихся в их сознании наряду с прочими идеями, чтобы иметь возможность эти факты истолковать»¹.

Поэтому сегодня представляется особенно важным научиться вести диалог с историческими собеседниками. По мнению М. Блока, «тексты или археологические находки, внешне даже самые ясные и податливые, говорят лишь тогда, когда умеешь их спрашивать... Всякое историческое изыскание с первых же шагов предполагает, что опрос ведется в определенном направлении. Всегда в начале — пытливый дух. Ни в одной науке пассивное наблюдение никогда не было плодотворным. Если допустить, что оно вообще возможно»². К сожалению, не только от историка зависит возможность диалога с историческим текстом. Значительное количество документов несет крайне скудную информацию «о времени и о себе». Поэтому особенно ценны интересные, реально думающие собеседники прошлого, в исторических документах которых содержатся не только бытовые сведения, но и размышления о пережитом.

Безусловно, к таким собеседникам нужно отнести Владимира Петровича Аничкова. Несмотря на мои попытки узнать через его земляков развернутые сведения об этом человеке, никто не смог обнаружить его биографические данные. Известно в настоящий момент только то, что он после получения образования более 11 лет служил в Волго-Камском банке, затем был назначен управляющим Симбирского отделения этого банка. Был главой Алапаевского округа. В этих должностях он никак не прославился. И его фамилия не заинтересует тех, кто привык работать с громкими именами. Но он оставил воспоминания «Екатеринбург. Революция», где выступает как внимательный наблюдатель и рассудительный современник. Хотя воспоминания В. П. Аничкова носят региональный, уральский характер, по уровню обобщений они заслуживают общероссийского внимания. На примере событий на Урале мы видим не только хронику провинциальных «хождений по мукам», но и судьбы российской интеллигенции того времени в целом.

© В. П. Аничков, 2001

© А. В. Квакин, вступительная статья, комментарии, 2001

В опубликованных и неопубликованных личных документах приводятся рассказы о перипетиях жизни достаточно известных людей, их размышления о происходящих событиях. Но некоторые документы поражают своей отстраненностью от личностного восприятия, попыткой через призму индивидуального сознания дать оценку явления в целом. Чаще всего создателями подобных документов являются именно представители русской интеллигенции, пытающиеся, порой помимо своей воли, объективно оценить сложившуюся ситуацию и предложить наиболее рациональный путь дальнейшего развития. Таким документом мне представляется коллекция Владимира Петровича Аничкова из архива Гуверского института войны, революции и мира Стенфордского университета (*Anichkov Vladimir N. Box 18*). Коллекция небольшая (3 бокса), но очень интересная. Большую часть составляют записи мемуарного характера В. П. Аничкова и их перевод на английский язык. Однако все документы в архиве Гувера представлены вторыми копиями, ибо первые экземпляры документов, исправленные и дополненные автором в 1934 году во время нахождения в эмиграции в США, обнаруживаются в архиве Музея русской культуры в Сан-Франциско (коллекция В. П. Аничкова). Первые экземпляры имеют неоднократные позднейшие авторские исправления, свидетельствующие о подготовке машинописной рукописи к печати, наверное, в середине 1930-х годов. Необходимо отметить, что машинописные работы были выполнены некачественно, содержат большое количество опечаток, порой искажающих смысл сказанного. При подготовке текста к печати мною были исправлены явные грамматические ошибки и очевидные опiski, а старая орфография заменена на новую.

К сожалению, по условиям гуверского архива полное копирование и публикация документа могут быть произведены только самим Гувером. Возможно, что со временем найдется спонсор, который оплатит архиву право на копирование всех воспоминаний В. П. Аничкова, а пока у меня есть лишь право на воспроизведение отдельных, на мой взгляд наиболее интересных, исторических сюжетов из данных мемуаров.

Записки начинаются с событий Февральской революции в России. В Екатеринбурге в начале марта 1917 года получили телеграмму из Петрограда о необходимости ареста царя, что вызвало беспокойство автора, ибо, по его мнению, отсутствие единой крепкой самодержавной власти может привести к анархии:

<...> ...Общая масса солдат никогда не стояла на столь малом развитии, как теперь. Ведь, с одной стороны, все, что мало-мальски было похоже на культуру, ушло из этой массы в офицерский состав. В прапорщики производили не только парикмахеров, но даже лакеев. С другой стороны, квалифицированные рабочие изъяты из войска, работают на фабриках. Кто же там остался? Только безграмотные элементы... <...>

Через несколько недель «революционный дух» масс был направлен против всех, кто даже внешне мог походить на царского чиновника или буржуя. Автор воспоминаний с горькой усмешкой замечает:

<...> Моя буржуазная фигура, с достаточно пухлым животиком, хорошо считая визитка, чистый крахмальный воротник и хороший галстук так плохо гармонировали с общей массой, что я не пользовался фавором. Во мне видели буржуя, и чем больше углублялась революция, тем отношения товарищей ко мне становилось все враждебнее и враждебнее. <...>

Приход к власти большевиков в ноябре 1917 года В. П. Аничков определяет следующими достаточно эмоциональными высказываниями о торжестве хама:

<...> Да, настало времечко... Время, полное ужасов, время кошмаров наяву и кошмарных сновидений... Право же, частенько приходилось задавать себе вопрос: «Да полно, правда ли все это, что приходится переживать и видеть? Не сон ли это? Не галлюцинация ли это больного мозга?»

Но нет, все, что приходилось переживать и видеть, все это была печальная действительность, реальное переживание. За это говорили факты, говорили газеты, описывающие происходившие кровавые бои в Москве и Петрограде.

В Екатеринбурге, слава богу, боев не было. Коммунисты спокойно, через Совдеп³ приняли бразды правления, и никто из нас не последовал примеру Москвы, никто с оружием в руках не вышел на защиту своих прав человека, на защиту гибнувшей Родины.

Да, мы гибли, гибли безусловно, падали в пропасть и не старались спастись. Да и к чему привело бы это сопротивление? Ведь нас, интеллигентов и буржуазии, была горсточка, а их миллионы, и не только крестьян, которые слепо шли за коммунистами, но и рабочих на Урале было много сотен тысяч.

Да, хам торжествовал.

Первые дни этот переход власти к коммунистам не был особенно замечен, но вот в Екатеринбург прибыло человек сто, а может быть и более, «красы и гордости русской революции» — матросов из Кронштадта. Начались обыски по квартирам. Производились они почти всегда ночью, часов с одиннадцати. Храбрые воины врываются в квартиры с ружьями наперевес и начинали перерывать все. Обыватели-буржуи абсолютно не знали, что же можно было держать и чего нельзя. Официально — искалось оружие, но брали обычно все, что нравилось. Брали главным образом деньги и драгоценности, брали хорошее белье и одежду, брали сахар, конфеты и обязательно отбирали вино. Вечером было опасно выходить, ибо многих останавливали и отбирали деньги и шубу. Останавливали матросы и едущих на извозчиках и, как бы произведя обыск с целью отобрания оружия, отбирали бумажник и хорошую шубу.

Сопротивляющихся или тащили в Совдеп, или, что тогда еще было редкостью, пристреливали на месте. Так, труп одного из обывателей, позволившего себе протестовать против обыска, валялся около горного управления. <...>

Из документа мы видим, что отношение между российской интеллигенцией и большевистской властью были достаточно сложными уже с первых дней «диктатуры пролетариата». Отрицательное отношение к захвату большевиками государственной власти и установлению ими «диктатуры пролетариата» вылилось в борьбу рассматриваемого социального слоя против советской власти во многих сферах общественной деятельности. Против узурпаторов-большевиков выступили как отдельные представители русской интеллигенции, так и ее общественные организации. Среди них наиболее непримиримую позицию заняли Союз инженеров, Союз служащих государственных учреждений, Академический союз, Союз деятелей искусств, Союз трудовой интеллигенции, Петроградский учительский союз, Пироговское общество врачей и некоторые другие организации⁴. Речь шла в первую очередь об отказе интеллигенции и служащих в первые месяцы большевистской диктатуры от сотрудничества с новой властью в надежде на ее скорое крушение и возвращение к «нормальному государственному устройству». В 1917–1920-х годах таких, не сотрудничавших с большевиками представителей интеллигенции и служащих, называ-

ли «саботантами» или «саботерами». Термин «саботаж» использовался большевиками, а в дальнейшем вошел в советскую историографию для обозначения одного из методов «борьбы контрреволюции против советской власти», когда «чиновники и служащие старых государственных и общественных учреждений» путем отказа от работы «рассчитывали дезорганизовать и вывести из строя продовольственные учреждения, банки, почту, телеграф, железные дороги, торгово-промышленные предприятия»⁵. Термином «спецы» тогда же стали обозначать всех специалистов с высшим и средним специальным образованием, служащих с дореволюционным стажем работы в государственных и общественных организациях, учреждениях.

Так, редактор «Известий Московского Совета» Н. Л. Мещеряков писал, что в результате саботажа интеллигенция перешла в стан эксплуататоров, к борьбе с которыми сама призывала⁶. Тем самым интеллигенция, «поднявшая восстание против народа и теперь мечтающая ударить «в спину», предает интересы революционной интеллигенции»⁷. В докладе на I Всероссийском съезде по просвещению председатель Совета народных комиссаров В. И. Ульянов (В. Ленин) доказывал, что саботаж, организованный наиболее реакционными представителями старой буржуазной культуры, показал «нагляднее, чем любой агитатор, чем все наши речи и тысячи брошюр, что эти люди считают знание своей монополией, превращая его в орудие своего господства над так называемыми «низами»»⁸. Он тогда же определил, что «подкупленные лица, высшие служащие, преследующие только одну цель: сорвать советскую власть, хотя многие этого не знают, саботаж — это стремление вернуть старый рай для эксплуататоров и старый ад для трудящихся»⁹. Ленин считал саботаж интеллигенции и служащих деяниями самостоятельного характера, носившими на первом этапе ненасильственный характер, но «шедшими бок о бок с такими грозными методами контрреволюции в ее борьбе с победившими большевиками, как диверсия и вредительство»¹⁰. При этом чаще всего речь шла лишь об умышленном срыве каких-либо мероприятий, сознательном уклонении от профессиональной деятельности или о преднамеренном недоброкачественном выполнении работы.

Из анализа всего комплекса документов по истории саботажа можно определить, что данная форма интеллигентского сопротивления большевикам имела несколько форм. Во-первых, это активный саботаж — намеренный срыв работы путем полного от нее уклонения. Во-вторых, пассивный саботаж — предумышленное торможение какой-либо деятельности или намеренное ее некачественное выполнение. Но в практике конца 1917 — начала 1918 годов отчетливо проявилась тесная связь данных форм. Нередко открытый саботаж в форме забастовки вырастал из пассивного поначалу сопротивления. И наоборот, активный саботаж после подавления его большевистской властью переходил в пассивную форму и достаточно долго не затухал, проявляясь в поведении интеллигенции различных профессий. Если пассивный саботаж был явлением повсеместным, то в активные формы он выливался только там, где антибольшевистская борьба достигала особой остроты — вплоть до вооруженных столкновений.

Хотелось бы четко разграничить действия интеллигенции и служащих на саботажнические и несаботажнические, однако это трудно сделать из-за причин субъективного характера. Чаще всего исследователи истории саботажа идут по пути наименьших трудностей и в первую очередь указывают на интеллигентов, которые не участвовали в подписании петиций, сборе пожертвований саботажникам, пикетах и манифестациях, как на пассивных саботажников. Однако методы саботажников были самые разнообразные — от откровенного отказа работать с представителями «рабоче-крестьянского государства» до запутывания дел, документов, отчетов, преследования «спецов», пошедших на сотрудничество с «большевизанами». Судя по документам личного происхождения, бойко применялись обман, распространение слухов о представителях новой власти, создание нездорового ажиотажа в кулуарах, петиции, демонстрации, кражи ключей и печатей. То есть сабо-

таж так же многообразен, как велико приложение знаний интеллигенцией и служащими. Но в целом все эти действия саботажников всех специальностей, рангов, профессий можно определить как методические действия ненасильственного характера, направленные на нанесение ущерба советской власти или на ее дискредитацию.

Как массовое явление, саботаж охватывает период с Октябрьского вооруженного восстания и до начала исторического периода Гражданской войны, то есть октябрь 1917 — май 1918 года. В это время «саботаж спецов» проходил под политическими лозунгами, которые превалировали над стремлением наносить экономический вред государству, временно, как считали саботажники, находящемуся под властью большевиков. И хотя в большевистских партийно-государственных документах, а также в периодической печати слово «саботаж» активно упоминается и после 1918 года, под данным термином тогда чаще всего уже подразумевается нечто другое, а именно вредительство или диверсия, направленные против большевиков и их сторонников. И самое главное, что тогда саботаж именно интеллигенции и служащих уже не носил массового характера¹¹.

Особое внимание в мемуарах В. П. Аничков уделяет школьному делу после большевистской революции, ибо здесь, по его мнению, в первую очередь произошло столкновение революционной и контрреволюционной интеллигенции. Именно в школах Урала, по наблюдениям автора воспоминаний, отслеживалось зарождение сопротивления большевистской власти, распространившееся позднее на другие сферы:

<...> Надо сказать правду, именно в школьном деле большевики встретили наибольший отпор. Казалось бы, наоборот, наша дореволюционная школа имела так много недостатков, что здесь всякая реформа должна была бы встретить поддержку большинства школьников и родителей, а между тем замечалось, что большинство поддерживало реакционное движение.

Правда, если в этой борьбе много страстности проявили правые, то левые в увлечении шли еще более сильным темпом, требуя не только упрощенной орфографии и упразднения Закона Божьего, но и давали такие права ученикам, вплоть до введения их представителей в педагогический совет, что становилось ясно, что при таких порядках честным педагогам там делать было нечего. <...>

Именно среди преподавателей учебных заведений, по мнению В. П. Аничкова, наиболее последовательно проводился «саботаж спецов», то есть ненасильственное сопротивление «диктатуре пролетариата».

<...> Вскоре... была объявлена общая для всех учебных заведений забастовка учителей. Содержание учителей было очень скромное, и, конечно, ни у кого из них не было никаких сбережений, поэтому нужна была немедленная материальная помощь.

Я напряг всю мою энергию, объезжал многих капиталистов, но люди жались, время и для них было тяжелое. Все же без выдачи каких-либо документов мне удалось с большой опаской собрать 7000 рублей, каковую сумму я и передал представителям забастовочного комитета. <...>

Через несколько дней к антибольшевистской забастовке учителей присоединились и банковские служащие.

<...> ...Служащие всех банков объявили забастовку, и банки пришлось закрыть.

Банковский же комитет, собранный мною, после долгих обсуждений этого вопроса высказался против забастовки. Главные мотивы к этому решению были следующие:

1. Полное отсутствие какой-либо надежды на скорое избавление России от большевиков делает бесполезным сопротивление новой властью.

2. Забастовка служащих несомненно поведет к замещению их новым персоналом служащих, который внесет только хаос в делопроизводство.

3. Процесс национализации банков, в смысле передачи всех дел Государственному банку, может быть сорван и превратится в беспорядочную и уродливую форму конфискации наших активов.

На этом заседании комитета было постановлено отложить двухмесячный оклад жалования всему персоналу¹² с целью выдать эти суммы к моменту прекращения деятельности банков. <...>

Однако в результате отсутствия средств к существованию у саботирующих служащих ненасильственное сопротивление банковских служащих вскоре было сломлено. Во все банки были назначены комиссары большевиков. В. П. Аничкову первоначально пришлось работать под контролем «юного большевика Мишки». Так как по возрасту, образованию и уровню знаний этот комиссар ничего не понимал в банковском деле, то ему лишь поставили стол рядом со столом управляющего банком, а он, не глядя, визировал все документы. Интересны воспоминания автора мемуаров о других комиссарах большевиков в банке.

<...> Кстати о банковских комиссарах. Первым моим комиссаром, после того, как был выгнан мальчишка Мишка, был назначен очень красивый юноша — офицер Бойцов. Явившись ко мне, он отрекомендовался как социалист-революционер и заявил, что он, хотя и пошел в комиссары, но совершенно не согласен с большевиками и их политикой. Впоследствии, как это скоро обнаружилось, он оказался не эсером, а большим негодяем. Он все старался доказать мне, что при такой неурядице пропaja и просчет каких-нибудь 200 или 300 тысяч — сущая безделица, на которую большевики не обратят и внимания. Я возразил ему, что мое дело — сдать все в целости с точностью до одной копейки, чем [тот] остался недоволен. ...Этого господина от меня скоро убрали и назначили ... (фамилию не хочу называть). Он откровенно сознался, что он корниловец и что пошел в комиссары потому, что нечего есть. Он никаких взяток не брал, сидел спокойно у меня в кабинете и, вполне доверяя мне, подписывал все ордера, которые ему давал. <...>

Эти наблюдения В. П. Аничкова очень важны для истории. Перечисляя комиссаров, назначенных в банк, он, по сути дела, выявил три причины прихода специалистов к большевикам. Во-первых, это юношеская романтика вчерашнего студента, во-вторых, намеренное желание воспользоваться революционной неразберихой для собственного обогащения, в-третьих, вынужденное служение новой власти в результате отсутствия средств. Большевикам не хватало знающих специалистов. Но их привлечение на сторону советской власти, по воспоминаниям В. П. Аничкова, часто происходило в административно-приказном стиле:

<...> ...[Комиссар финансов] Сыромолотов предложил мне занять должность консультанта при народных банках.

Я наотрез отказался.

— Ну, в таком случае, я назначаю Вас своей властью, и мы посмотрим, как Вы будете работать, а если станете саботировать, мы найдем способы сломить Ваше упрямство. <...>

Однако среди знакомых В. П. Аничкова были и те, кто пошел на службу к большевикам. Вот, например, характерный разговор автора в своем доме с Василием Васильевичем Чернявским:

<...>

— Да, почему Вы так грустно смотрите на будущее? Вы не верите в возможность воцарения коммунизма? Да, конечно, будет тяжело, но все же без куска хлеба не останетесь. Особенно Вы, Владимир Петрович. Я искренне советую Вам бросить оппозицию и изъявить готовность работать с коммунистами. Я более чем уверен, что Вас, именно Вас, они примут с распростертыми объятиями и Вы сделаете такую карьеру, о которой раньше и мечтать не могли...

— Что Вы говорите, Василий Васильевич! Как я могу работать с коммунистами, когда абсолютно не верю в их нежизненную теорию. Мне уже делал такое предложение комиссар Чукаев, и я ответил ему то же, что и Вам. Все это бредни больных, самолюбивых и выброшенных за борт при прежнем строе людей. С такими помощниками Ленину не справиться со своей идеей.

— Позвольте, позвольте, не буду спорить с Вами, быть может, то, что проповедуют они, не будет осуществлено, но, однако, бороться теперь против них нам по крайней мере бесполезно, если не глупо. На их стороне весь народ. Где Вы найдете реальную силу, которая могла бы побороть их. Такой силы нет.

— А я верю, что она есть, верю в разум народа и думаю, что те же штыки, опираясь на которые они захватили власть, свергнут и их, быть может, не сейчас, но я верю, что это будет.

— Ох, подумайте над моими словами, я их не зря говорю Вам.

— Нет, избавьте: служить коммунизму не могу, и слишком я люблю Россию, чтобы [не] встать в ряды Интернационала.

— Поживем, увидим. <...>

По словам Ю. М. Лотмана: «В истории знать какие-либо факты и понимать их — вещи совершенно разные. События совершаются людьми. А люди действуют по мотивам, побуждениям своей эпохи. Если не знать этих мотивов, то действия людей часто будут казаться необъяснимыми или бессмысленными»¹³. Скорее всего, в случае с В. П. Аничковым речь идет о нравственном выборе: для него даже вынужденно служить «в рядах Интернационала» сегодня — это предательство России. Поэтому у автора мемуаров «то, что и как надо делать, задается через определение того, что и как делать не надо»¹⁴.

Он осознает те «преимущества», которые для него и его семьи может принести служба у большевиков, и те опасности, которые может нести отказ от сотрудничества с новой властью, но его мораль не позволяет ему встать на сторону «диктатуры пролетариата». А угроза для таких, как он, интеллигентов была реальная. Уже первые месяцы советской власти характеризуются В. П. Аничковым как месяцы «постоянного страха и насилия». Так, к автору ночью пришел его добрый знакомый Н. Н. Глассон, товарищ председателя окружного суда, с решительным требованием немедленного отъезда из Екатеринбурга по причине угрозы ареста. Собственное «сидение» в городе он объяснял так:

<...> Я — другое дело. Если я стану скрываться, то что будут делать судейские? Слишком тяжело их материальное положение, чтобы лишать их еще и той незначительной помощи и нравственной поддержки, которую в пределах моих слабых сил я оказываю им. Ведь, вот, смотрите, Пермский суд в значительном большинстве его состава покорился горькой судьбе и пошел в кабалу к большевикам... <...>

Тема вынужденного сотрудничества с большевиками неоднократно поднимается автором воспоминаний. Например, комиссар-ветеринар рассказывает В. П. Аничкову о причине своей службы у большевиков:

<...> Верьте мне, я не большевик, но я голодный человек, служу потому, что нечего есть. Вот видите, беру взятки, ибо на их жалование не могу прокормить семью. А если бы Вы знали, что мне приходится переносить... <...>

Особое место в воспоминаниях В. П. Аничкова занимают его размышления о выборе интеллигента между белыми и красными. Эти размышления, условия их возникновения достаточно подробно описаны в мемуарах. Необходимо только пояснить, что, опасаясь «красного террора», семья Аничкова и их друзья перебрались из Екатеринбурга в пригородную деревню Маргаритино. Для получения сведений о происходящих событиях в город периодически ездили жены, привозили как устную информацию, так и газеты.

<...> А в газетах, привезенных женой, я громко прочел следующие строки:

«Сегодня ночью, как месть за взятого проклятыми чехами в плен и расстрелянного товарища комиссара Малышева, мы расстреляли из числа заложников двадцать буржуев».

Следуют фамилии. Вот имя Александра Ивановича Фадеева, великолепного инженера-механика, бывшего управляющего Верх-Исетским Округом, инженера-энциклопедиста, великолепно знающего Урал. Покойный состоял консультантом нашего банка, был очень хорошим человеком и стоял совершенно в стороне от всякого вмешательства в политику, если не считать его последнее выступление по выбору Культурно-экономического общества перед комиссариатом просвещения в защиту прав собственности на книги. Миссию эту он исполнил блестяще (и декрет о сдаче всех книг в общественную библиотеку был отменен) путем разъяснения, что этот декрет касается только частных профессиональных библиотек-читален. И вот этого человека, этого дельного инженера не стало из-за товарища Малышева, комиссара труда. Того самого фанатика-недоучки Малышева, который арестовывал меня и дважды возбуждал вопрос о привлечении меня к ответственности перед судом революционного трибунала за оскорбление армии, когда я совместно с ним заседал на тайном совещании Исполнительной комиссии Комитета общественной безопасности. В этом списке стояли и знакомые мне фамилии секретаря Думы Чистосердова, юриста по образованию, и Мокроносова — управляющего Сисердскими заводами.

Волос стал дыбом. Что теперь делать?

Правда, после произведенного обыска для нас временно опасность как будто миновала, но кто поручится, что к нам вновь не пришлют более энергичных товарищей с предписанием не обыска, а просто расстрела нас всех.

И вот тогда-то на семейном совете нами было предпринято позорное решение: сказавшись дворне, что мы уходим на поиск золота, уйти в лес и там переждать прихода чехов. Женщин же, опираясь на то, что их до сих пор не трогали, решили оставить в усадьбе. Правда, решено было отойти в лес на расстояние одной, много двух верст, так чтобы постоянно могли бы подать помощь, но все же это решение было позорно и, пожалуй, глупо. Утешали себя лишь тем, что в случае криков в усадьбе мы внезапным нападением сумеем защитить наших жен и перебить гораздо больше негодяев. Уж больно мы боялись за наших сыновей призывного возраста, которых могли обвинить в дезертирстве и расстрелять.

И вот, собравши котомки с кое-какими пожитками, мы в сопровождении наших дам отправились в лес.

Жаль, что не сохранилась фотография, которую снял с нас перед отходом Володя.

Отойдя версты полторы, мы, выбрав место около «городищ» — скала из валунов, разбили маленькую палатку и, распростившись с дамами, начали глупую робинзонскую жизнь в лесу, кормя своим телом осатаневших от радости уральских комаров.

Стоит ли описывать это глупое, трусливое, бесцельное прозябание в диком лесу, без возможности развести вечером костра, боясь выдать себя огнем... Не могу до сих пор без досады вспоминать эти несколько дней, к счастью только четыре, когда с замиранием сердца прислушива[лись] к каждому лаю собак в нашей усадьбе.

Залают собаки, прислушиваешься и крадешься к дому, чтобы взглянуть, не висит ли на перилах балкона условная о призыве на помощь простыня или скатерть. Слава богу, скатерти нет, прячешь браунинг и вновь возвращаешься в палатку. Два раза в день к нам приходили дамы и приносили пищу.

Маргаритино и раньше посещалось белогвардейцами, а в последнее время молодежь начала заезжать чаще, избрав наш хутор базой для нападения на железную дорогу. Таким образом, мы держали связь с готовившейся к восстанию белой молодежью. Из них особой отвагой отличался офицер Юра Мюренберг, убитый впоследствии в войне с красными.

Приезжал к нам и К..., стоявший во главе этого белого движения, приезжали и другие офицеры, в большинстве академики. Их приводили к нам на свидание, и здесь, на имеющихся у них картах, наносили пункты расположения красных и белых войск. Кольцо все суживалось и суживалось.

В городе говорили, что началась паника — товарищи обстоятельно принялись за эвакуацию Екатеринбурга. Сердце радовалось, и как-то не верилось, что настанет момент и мы вновь из звериного состояния превратимся в людей.

За все это время пребывания в лесу голова была совершенно пуста, пуста до того, что не было никаких мыслей. Даже скуки не испытывал я... Обуяла какая-то лень, и настолько, что иногда переставал отмахиваться от комаров. Не могу сказать, чтобы и время тянулось долго... вероятно, то же ощущение переживают заключенные в тюрьму.

Но вот однажды проснулся я от чего-то холодного, мочившего мой бок. Оказывается, шел дождь, и вода просочилась под меня. Подвинувшись на более сухое место в нашем шалаше и подложив под себя какую-то тряпку, я все старался заснуть, но сон бежал от меня и мысли одна мрачнее другой

стали приходить мне в голову. Мне ясно представлялась неизбежность расстрела, ведь расстреляли же Фадеева, Мокроносова, Чистосердова. Почему же судьба должна беречь мою персону? Почему же всемогущему Богу угодно карать меня и превратить из полноправного гражданина в двуногого зверя, скрывающегося от людей в лесу? Какое преступление сделал я перед родиной, перед русским народом? И воспоминания прошлого как бы кинематографической лентой пробегали перед моим взором, и я с большим напряжением хотел уловить в них следы моей преступной деятельности. Быть может, задавал я себе вопрос, моя вина заключается в том, что я рожден на свет дворянином? Предположим, но если это составляет преступление, то виновен ли я в нем? Ведь я ни разу не воспользовался моими дворянскими привилегиями, я даже не имею ни чинов, ни орденов, ибо не служил на государственной службе. Со студенческой скамьи я поступил на службу в банк, где три месяца работал без жалования. Затем получил скромное местечко на 55 рублей жалования и более четырех лет работал по 10–11 часов в сутки. Не крал, не убивал. Меня оценили, продвинули вперед и на одиннадцатом году службы назначили управляющим Симбирского отделения. Будучи всегда в хороших отношениях со всеми сослуживцами, я был и очень снисходительным начальником. За всю мою долгую службу я никого не уволил из моих подчиненных, всегда с вниманием относясь к их нуждам. Не виноват ли я в том, что, делая карьеру, я слишком обогнал всех сослуживцев, и заработок мой дошел до 60 000 рублей в год. Ведь, в сущности, этот служебный успех, этот огромный заработок, он до известной степени шел за счет обездоленных людей. Иначе говоря, я нарушил идею равенства. Но можно ли за это карать? В таком случае и вот сосна, под которой я лежу, она тоже виновата в этом нарушении равенства, так как, отнимая сок от своих соседей, она переросла их, заглушив все кругом. Да и возможно ли это равенство перед людьми, когда ни в растительном царстве, ни в мире животных оно не существует. Наконец, наше христианское учение учит нас, что ни единый волос не падет с головы человека без воли Божьей. Ведь если так, то инквизиции, и войны, и революции, да и всякое нарушение заповедей Божьих идет с Его ведома, с Его указаний... В таком случае зачем же карать человека, когда сам Бог толкает его на совершения преступлений. Нет, переживая все потрясающие события последних лет, я невольно прихожу к убеждению, что или Бог выдуман человеком в том виде, как человечество его представляет, или Он совсем иной, не в образе человека, а творческий дух разума, начало всех начал. Ведь не с лопаткою же Он в руках отделял из хаоса Землю от Воды, сотворяя Вселенную. Какой вздор! Конечно, Он, как великий дух разума, сотворил те законы, по которым сам собою начал строиться и ныне продолжает строительство мир. Эти вечные ненарушимые законы впоследствии поняты человечеством и изложены в науках, математике, физике, химии, механике. И, создав эти законы, по коим сам собою образовывался мир, Бог, как их творец, никогда не унижится до их нарушения, никогда не станет творить чудеса ради того, чтобы доказать свое бытие. А раз так, то и человек, созданный природой, конечно, создан свободным в своих действиях и ответственен за них не перед Богом, так как нарушить Его творческих законов он и не в состоянии, и ответственен не на Страшном суде в загробном мире, а тут же, перед человечеством на Земле, при своей жизни.

Если это так, если в этом я не ошибаюсь, то могу ли я признать Божественность Христа, этого гения мира, пытавшегося создать Царствие Божие на Земле и в Небесах, причем в этом социальном учении под Небесами следует понимать не загробную жизнь, а социальное устройство того же человечества и на прочих планетах, несомненно в известный период своего роста заселенных и людьми. Ведь Христос, судя по Евангелию, никогда не называл себя Богом, он называл себя сыном Божиим, а нас, людей, называл своими братьями. Трудно верить в живого Бога, так же трудно, как и поверить в живого Будду. А раз Христос был человеком, великим мыслителем, философом, поставившим своей целью социальное устройство человечества, населяющего планеты, то как человеку, ему были свойственны и увлечения, и ошибки.

В чем состоят эти ошибки, приведшие ныне человечество не к всеобщей любви и братству, а к всеобщей ненависти. Иначе как же можно объяснить вспыхнувшую между христианскими народами всемирную войну и ныне начавшуюся революцию, основой которой является зависть к сильным и ненависть пролетариата к капиталистам. Ответ на этот вопрос, мне думается, можно получить от любого зоолога?! Спросите его, он скажет, глядя на череп человека и указывая на форму его зубов, что человек всеяден, что у него помимо резцов и коренных зубов имеются и клыки, а последние с несомненностью указывают на присутствие в его природе хищничества. Он может и должен для своего существования убивать живые существа и питаться ими. Нельзя же, в самом деле, винить тигра и льва в том, что они безжалостно раздирают своими клыками сладкое тело трепещущей лани.

Как же можно было хищнику проповедовать: «возлюби ближнего своего как самого себя»? Не лучше ли было бы проповедовать не любовь, а терпимость: «Не пожелай ближнему своему того, чего себе не желаешь»? Не эта ли более упрощенная формула лежит в основе ленинского учения о государственном капитализме? Ведь сам же ты на съезде управляющих горными округами, в своем докладе, пришел к заключению, что война настолько разорила и весь народ, а с ним и банки, что последние не в состоянии прийти на помощь торговле и промышленности. Ведь тогда ты как бы предчувствовал наступление хаоса и провала капиталистического строя. Правда, ты не мог себе представить, что вместо капиталистического правового строя, основанного на незыблемых началах собственности, придет на смену коммунизм. Но вот теперь, когда захват власти коммунистами совершился, когда на их стороне вся масса нашего безграмотного народа, не пора ли призадуматься над этим вопросом, и, чем саботировать и скрываться в лесах, прийти на помощь к ним в их государственном строительстве? А ведь тебя приглашали, тебе сулили большую карьеру. Спаси же себя и горячо любимую семью свою от нищеты и, быть может, даже от казни.

Ведь, в сущности, здесь нет борьбы с капиталом, наоборот, тут концентрация капитала в правительственных руках, что во много раз увеличивает его силу и, пожалуй, в данный момент представляет единственный выход для разоренного войной государства.

Но, к сожалению, здесь есть огромное «но». Ведь концентрация капитала в руках правительства неразрывно связана с другим вопросом, и не только связана, но единый капитал является только могучим средством для

достижения другой цели, а эта цель — «диктатура пролетариата». А ведь в огромной своей массе пролетариат не только необразован и даже неграмотен, а обладает теми же клыками, указывающими на инстинкты хищничества, благодаря присутствию которого немыслимо разумное и честное управление государственным капиталом. Ведь вот тебе хорошо был знаком круг капиталистов. Скажи, любил ли ты их, служа им, или ненавидел? И я должен был признаться, что, глядя на их алчность и властность, скорее, ненавидел, чем любил. Ну а пролетариат как таковой не представляет ли собой овечку, по форме зубов которой она легче бы всего могла воспринять и даже христианское учение. О нет, конечно, нет! Пролетарий, и каждый в отдельности и в целом, обладает теми же клыками хищничества, что и капиталист. Его стремление к собственности, богатству, отнюдь не меньшее, чем у капиталистов. Этот последний во всех своих стремлениях к главной цели — увеличению своего богатства — руководствуется реальными возможностями, здравым смыслом. У пролетариата же действует, скорее, не разум, а инстинкт. Его требования часто неосуществимы. В своих экономических забастовках он не только предъявляет требования, граничащие с абсурдом, но отнюдь не считает с тем обстоятельством, что во всякой забастовке не только сталкиваются интересы труда и капитала, а всегда есть и третья заинтересованная в этой борьбе сторона — это все общество, все население страны. Ведь именно этой, третьей, стороне и придется расплачиваться в случаях, если капиталист вынужден будет пойти на уступки.

Мне возразят, что и капиталист грабит все общество. Это верно, конечно, но капиталист всегда считается с возможностью повышения цен на товары, ибо эта возможность стоит в прямой зависимости от наличия конкуренции.

Итак, диктатура пролетариата для меня значительно менее приемлема, чем диктатура капиталистов, ибо таковая находится в опытных руках, сумевших создавать капитал для своего личного благополучия, почему им и легче управлять страной, так как создание капитала — это большая наука, далеко не присущая всему человечеству.

Где же таких хозяйственных людей найдет пролетариат, кто его водители? Огромное большинство революционеров потому и пошли по этой дороге, что потерпели неудачи в капиталистическом строе. Недаром же Ленин заявил, что всякая кухарка может управлять страной. Не лучше ли ломать шапку перед опытным капиталистом, чем перед безграмотной кухаркой. Ведь и сейчас начали образовываться в деревнях комитеты бедноты, на которые Лениным делается большая ставка. Из кого же они состоят? Исключительно из лентяев и пьяниц. Эта власть будет и похуже ленинской кухарки. Можно ли при таких правителях ожидать успеха в проведении коммунизма, основанного на уничтожении частной собственности, когда вся та шпана только и будет грабить имущество не с целью внесения его в казну, а для собственных целей.

Ведь вот и Христос, проповедуя Царствие Божье, ясно говорил, что легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богатому попасть в Царствие Божье. Но эта раздача своего имущества прежде всего должна быть добровольной. Мог ли бы попасть в это Царствие человек, у которого насильно отняли все его состояние. Конечно, нет, ибо в этом предложении Христа главную роль играла добровольная жертвенность как признак, ука-

зывающий на восприятие Его высокого учения. Жизнь показала, что исполнителей этого завета было очень мало, ибо таковой был противен природе человека. Поэтому свое царствие земное Ленин осуществляет насильственным отнятием собственности для передачи таковой казне. Но, концентрируя капитал в руках правительства, он к этой огромной силе капитала еще прибавляет и силу оружия, ибо армия тоже подчинена тому же правительству. Что же может из этого получиться, как не полное рабство всего населения страны перед правителями, ибо невозможна станет борьба труда с капиталом. Здесь всякая забастовка будет подавляться штыками, пулеметами и танками. Да прибавьте еще к этому правительственное обладание железными дорогами, телеграфом и телефоном. Ведь это же будет еще худшее рабство, чем было оно у нас, когда рабовладельцами являлись помещики-дворяне. Там можно было рабам перебегать от одного помещика к другому, там иногда сторону рабов принимала правительственная власть. А кто же здесь заступится за рабов Советской России?

Конечно, абсолютной свободы граждан, как это проповедует анархизм, нет. Нет ее и в капиталистическом строе, но ведь то, чего добивается Ленин, ведь это же приводит человечество к абсолютному рабству, а труд раба по его слабой производительности всегда обходится владельцу дороже вольного, наемного труда. Это истина, доказанная экономистами, а раз это так, то не поведет ли это рабство к всеобщему голоду. Россия до сих пор была житницей Европы. Однако статистика с ясностью указывает, что вывоз зерна происходил за счет более высоких культур помещичьих земель. Теперь их уничтожили, это несомненно поведет к понижению урожайности, и настолько, что не только прекратится вывоз, но и население городов не станет доедать. А к этому надо добавить огромную армию коммунистов, не творящих ценностей, а только их пожирающих. Ведь содержание этих трупней обойдется во много раз дороже той прирастающей ценности, что шла на удовлетворение appetитов и помещиков, и капиталистов.

Казенный капитал, давал ли он когда-либо хорошую прибыль казне? Возьмем для примера казенные железные дороги, ведь они почти всегда давали правительству убыток, тогда как частные — процветали, и их акции нередко в пять раз превышали номинал. Вот разве только одна винная монополия, введенная графом Витте, давала великолепную прибыль. Однако и в этом деле ту же, если не большую прибыль, могло получить наше правительство, если бы взамен монопольной формы остановилось бы на акцизной системе собирания налогов.

Ведь если христианство, в основу коего легло вполне добровольное отрицание собственности, привело человечество вместо всеобщей любви к ненависти и кровавым бойням, то к чему же приведет ленинизм? Конечно, он, основанный на насилии, неминуемо должен будет не только залить весь мир человеческой кровью, а усеять весь путь свой трупами умерших в муках голода людей, ибо стремление к собственности диктуется человеку не только заботами о продолжении рода человеческого. Ведь даже многие животные в заботах о своем потомстве строят прочные жилища и наполняют их продуктами питания, как, например, крысы, бобры, а ведь их забота о своих детенышах отнимает не более года времени, тогда как человеку для того, чтобы поставить на ноги своего ребенка, приходится отдавать этому тяжелому делу около 20 лет своей жизни, то есть почти одну ее треть.

Мне скажут коммунисты, что эту заботу они возложат на воспитательные дома. Какой вздор! Наш государственный воспитательный дом дал невероятную смертность, во всяком случае, превышающую 60 процентов. Почему же именно эти учреждения дают такую ужасающую смертность? Да потому что только мать, а не рабыня может любовно вынести все муки материнских обязанностей.

Нет, я должен не только саботировать коммунизм, а с оружием в руках, пока еще не поздно, бороться с ним. И с этими мыслями я обратился к проснувшимся своим компаньонам по несчастью:

«Господа, как Вы хотите, а я твердо решил сегодня же отправиться домой и там совместно с женами решить, что нам делать? Я лично предлагаю идти всем нам на встречу с Дутовым или чехами. Пешком пробраться всегда возможно. А там еще посмотрим: хоть простыми солдатами, а стоим за правое дело».

Всем понравилось мое предложение, и мы, собрав несложный наш багаж, через каких-нибудь 20 минут уже были в Маргаритине. <...>

Мне кажется, что все эти пространные рассуждения В. П. Аничкова чрезвычайно интересны для историков, ибо в них последовательно показаны размышления о выборе интеллигентом в 1918 году политической позиции между красными и белыми, но они очень созвучны и нашему времени, ибо современным интеллигентам порой свойственны схожие мысли. Конечно, скептики могут с иронией прочесть строки о том, как напуганный интеллигент прячется с себе подобными в лесу, кормит комаров, бросает в доме женщин, но под влиянием промокшего под дождем лежбища решает идти сражаться с большевиками к атаману Дутову. И все же, на мой взгляд, в данных мемуарах В. П. Аничков выступает в качестве искреннего собеседника, откровенно, без прикрас описывающего реальную ситуацию принятия решения. Мы неоднократно видим мотивационные конфликты, которые автор воспоминаний решает с честью. При этом нужно исходить из того, что «...главной характеристикой поступка как личностного действия можно считать не конкретный круг ценностей, на которые ориентируется субъект при его совершении («общечеловеческие ценности»), а то, что эти ценности есть и субъект поступка осознанно руководствуется ими при разрешении им мотивационного конфликта»¹⁵. Хотя из последующего текста мы узнаем, что автор так и не осуществил свое решение пойти к атаману Дутову, да и вообще за все время Гражданской войны на Урале и в Сибири он так и не взял в руки оружие, но его выбор между белыми и красными был сделан.

Заметим попутно, что В. П. Аничков не объясняет в документе всех мотивов и всех своих поступков, но там, где ему приходится делать выбор, они соответствуют высокой нравственности. При этом он выступает как горячий патриот, идущий против навязывания России воли заграничных помощников в борьбе с большевизмом. Именно патриотизм заставляет его на одном из совещаний в белом Екатеринбурге заявить:

<...> — Господа, — говорил я, — если Советская Россия преклонила свои знамена перед победителями¹⁶, то мы пока еще не вполне пленены союзниками, мы не побеждены, а сражаемся за нашу самостоятельность, за нашу свободу. Я не знаю, что будет лучше: продать ли Россию союзникам или заключить мир с коммунистами. <...>

Особый интерес в воспоминаниях В. П. Аничкова представляют сведения о его диалоге с выдающимся российским металлургом Владимиром Ефимовичем Грум-Гржимайло о белом и красном терроре. Личность профессора В. Е. Грум-Гржимайло давно привлека-

ет внимание историков¹⁷. Подробный пересказ в воспоминаниях В. П. Аничкова беседы с ученым-металлургом позволяет нам уточнить многое в политических позициях В. Е. Грум-Гржимайло.

<...> Приблизительно в эти дни (белой власти в Екатеринбурге. — А. К.) у меня в квартире появился известный профессор металлургии Грум-Гржимайло. Он состоял консультантом Алапаевского Округа, почему я и был знаком с ним и видался на заседаниях Дирекции Округа. Профессор, захваченный большевиками, находился у них на службе несколько месяцев и, конечно, не был назначен по его специальности, а строил им лесобделочный завод, кажется, на Чусовой. Когда же наши войска заняли этот завод, он приехал в Екатеринбург.

Он рассказывал мне о своей службе у большевиков, смеялся над их распорядками, называя их глупыми и наивными детьми.

— Я бы, профессор, прибавил: и злыми детьми.

— Да, — ответил профессор, — я с этими добавлениями вполне согласен, но при условии еще большего обобщения, ибо я не могу по этим качествам злости и жестокости делить наш простой народ на белых и красных. По-моему эти качества жестокости и злобности присущи всему нашему простому народу в одинаковой степени, вне зависимости от политических воззрений.

— Не знаю, профессор, насколько Вы правы, но то, что мне пришлось видеть самому и слышать от других, говорит о невероятной жестокости именно большевиков.

Я рассказал ему о похоронах 19 интеллигентов, без всяких оснований расстрелянных в группе, рассказал о 70 трупах верх-исетских рабочих, найденных в подвалах ГПУ и их похоронах, наконец, рассказал во всех подробностях о расстреле царской семьи и о казни великих князей в Алапавске, где их сбросили живыми в шахту.

— Да, все то, что рассказали мне, — ужасно, невероятно жестоко и отвратительно, но позвольте и мне, справедливости ради, рассказать Вам то, что я видел собственными глазами. Это было как раз на другой день после того, как белые войска заняли тот лесобделочный завод, где я служил у большевиков. Я шел по заводу и увидал толпу людей, стоявших у ворот, я подошел и заглянул на двор, и то, что мне пришлось увидеть, было так ужасно, что трудно пересказать. На дворе была выстроена, несмотря на мороз в 25 градусов, в одном белье и без сапог шеренга людей. Они были сини от холода и еле перебирали своими, очевидно, отмороженными за ночь ногами, так как в таком виде они провели всю ночь в холодном сарае, и вот теперь над ними шла казнь. Казнь эта состояла в том, что один какой-то солдатик из белой армии прокалывал их штыком в живот, причем отлично помню, как один из жирных и толстых солдат с большим животом схватил руками штык, воткнувший в живот, и неистово визжал от боли, приседая на корточках. Другие лежали на снегу в крови и переживали предсмертные судороги, иные уже заснули вечным сном. Картина была так ужасна, что я чуть было не упал в обморок. Но всего непонятнее и ужаснее было для меня то, что толпа, в которой я стоял, совершенно не падала в обморок от ужаса, а неистово хохотала, глядя, по ее мнению, на смешные ужимки и прыжки прокалываемых людей...

От этого рассказа профессора меня стало тошнить.

— То, что Вы мне рассказали, действительно ужасно, но скажите же мне, профессор, неужели же после всего этого ужаса нам можно говорить о парламенте и даже об учредительном собрании?! Ведь, все эти зверства — много хуже, чем бывало в Турции!

И я, припомнив один рассказ знакомого земского начальника, передал его собеседнику: «Один крестьянин украл корову и, отведя ее в лес, снял с нее с живой, в стоячем положении шкуру. Когда земский начальник спросил его на суде, как мог он совершить это зверство, вор ответил, что одному, если убить корову, со шкурой не справиться, так как ее тушу пришлось бы переворачивать, а одному этого сделать нельзя». Под конец я рассказал профессору все подробности казни бывшего прокурора суда Александра Александровича Гилькова. Гильков с самого начала революции впал в паническое состояние и решил бросить прокуратуру, что ему и удалось, получив назначение на должность члена суда в Перми. Вскоре после переселения со всей его семьей Пермский суд был разогнан большевиками, и Гилькову с большим трудом удалось получить место конторщика в мотовилихинском заводе. Жизнь потекла тихо и уединенно, но все же скромного жалования не хватало, и приходилось постепенно ликвидировать и драгоценности его жены, коих запас был невелик и, наконец, очередь дошла до столового серебра, из коего осталось в наличии всего шесть чайных ложек. Несмотря на эти материальные лишения, все же Гильков был рад, ибо это скромное место избавляло его от ответственности, связанной с должностью прокурора. Но все же в одну «прекрасную» ночь раздался звонок и в квартиру ворвались «товарищи солдаты» с обычным оружием. Конечно, оружия не нашли, потому что его и не было, но «воры товарищи» захватили серебряные ложки. Хозяйка Александра Алексеевна была очень огорчена отнятием ложек и высказала намерение отправиться в Совдеп с жалобой. «Что ты, что ты!!! — воскликнул супруг. — И не вздумай об этом говорить, а благодари Господа Бога, что оставили в живых». Александра Алексеевна так была огорчена этой потерей, что и на другой день не переставала плакать. Видя это огорчение, Александр Александрович предложил ей проводить ее в гости к одной дружественной семье, но, несмотря на ее просьбу пойти с ней вместе, наотрез отказался. «Я зайду за тобой в 8 часов вечера, и тогда на минутку зайду к ним, но к 9 часам мы должны быть дома, ибо с этого часа запрещено выходить на улицу». Проводив жену и возвращаясь домой, он, проходя сквер, уселся на скамейку, дабы отдохнуть и выкурить папироску. В это время сквер оцепили солдаты и всех, кто там находился, повели в какое-то казенное здание, кажется гимназию. Там ввели в ретирадное место с примитивным устройством (с большими дырами в общей доске), приказали раздеться и броситься в выгребную яму как «мечь за убийство» не то Урицкого, не [то] Свердлова. Поднялся невообразимый вопль. Люди, стоя на коленях, умоляли расстрелять их тут же, лишь бы избежать этой мучительной смерти, но палачи были неумолимы. Подталкивая штыками, они заставляли их броситься в переполненную отбросами яму.

— Скажите, профессор, можно ли было людям, приветствовавшим революцию, даже подумать о таких невероятных зверствах? За что казнены эти 30 человек в каждом губернском городе и казнены так зверски, что прокол животов, о котором Вы говорили, совершенно бледнеет, становится детской игрой, над которой можно и посмеяться. Я понимаю, что, ведя

борьбу против частной собственности, вести ее просто абсурдно и трудно, ибо стремление разбогатеть и делать запасы присуще даже многим животным и никакими строгостями и террором Вы это чувство не выбьете у человека, почему им и приходится устрашать людей смертной казнью, но зачем же это издевательство над уже приговоренными людьми? Нет, история не забудет этих преступлений, этого зверства. По крайней мере, я с этой [Гражданской] войны, с этой революции перестану верить в самое существование Бога, или, если Творец и существует, то совершенно не вмешивается в людские отношения и на все эти зверские убийства смотрит так же, как на страдания ягненка в зубах волка или мыши в когтях кошки.

Профессор Грум-Гржимайло молчал. Он провел у меня целый день, и мы расстались навсегда.

Уже будучи беженцем, я узнал из газет, что он принял высокое назначение у большевиков и служил им не за страх, а за совесть. Однако, к чести профессора, должен сказать, что приблизительно в 1930 году в газетах появилось сообщение, что на запрос коммунистической власти, сделанный профессору, указать действительные способы к удешевлению производства металлов, профессор будто бы ответил официальной бумагой, что удешевление достижимо только тогда, когда коммунисты откажутся от власти¹⁸. Ему было предложено взять это заявление обратно. Он не согласился, тогда его потребовали в ГПУ, где продержали всего один день. На другое же утро по возвращению на квартиру он был найден мертвым¹⁹. Напугался ли профессор угроз ГПУ, или к нему подослали убийцу, или, может быть, он покончил жизнь самоубийством²⁰.

Переписывая мои записки в «Омск»²¹, я счел нужным вставить эти сведения об уважаемом профессоре Грум-Гржимайло. <...>

Таковы лишь некоторые интересные, на мой взгляд, исторические сюжеты из воспоминаний Владимира Петровича Аничкова, экономиста с Урала, российского интеллигента, о событиях в Екатеринбурге в 1917–1918 годах.

¹ Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 19.

² Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1973. С. 38.

³ Совдеп — Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

⁴ См.: Фортунатов В. Общественные организации Петрограда — Ленинграда. 1917–1928 // Российская интеллигенция: страницы истории. СПб., 1991. С. 15.

⁵ Великая Октябрьская социалистическая революция: Энцикл. М., 1987. С. 450.

⁶ См.: Известия. 1918. 6 апр.

⁷ Там же. 21 апр.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 77.

⁹ Там же. Т. 35. С. 308.

¹⁰ Там же.

¹¹ Об этом подробнее см.: Квакин А. В. Октябрьская революция и идейно-политическое размежевание российской интеллигенции: Теоретико-методологические, источниковедческие, историографические аспекты. Саратов, 1989.

¹² В начале саботажа повсеместно, в том числе и на Урале, участникам ненасильственного сопротивления обычно выдавалось жалование за 2–3 месяца вперед в надежде материально поддержать участвующих в забастовке лиц «до свержения власти узурпаторов-большевиков». При этом 2–3 месяца существования большевистской власти казались тогда подавляющему большинству представителей интеллигенции крайним сроком.

- ¹³ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII— начало XIX в.). СПб., 1994. С. 13.
- ¹⁴ Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М., 1989. С. 35.
- ¹⁵ Соколов Е. Е. Идеи А. Н. Леонтьева и его школы о поступке как единице анализа личности в их значении для исторической психологии // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А. Н. Леонтьева. М., 1999. С. 88–89.
- ¹⁶ Очевидно, В. П. Аничков имел в виду подписание Советской Россией Брестского мира с Германией.
- ¹⁷ Из бумаг металлурга В. Е. Грум-Гржимайло /Публ. П. Усова // Минувшее. Париж, 1986. С. 292–309; Грум-Гржимайло В. Е. «Я был тем муравьем, который понемногу сделал большое дело»: Жизнь ученого-металлурга В. Е. Грум-Гржимайло, рассказанная им самим / Сост. и ред. М. Е. Главацкий. Екатеринбург, 1994; Он же. Недавнее, но безвозвратно умершее прошлое / Сост. и ред. М. Е. Главацкий. Екатеринбург, 1995; Он же. Хочу быть полезным Родине / Сост. и ред. М. Е. Главацкий. Екатеринбург, 1996; и др.
- ¹⁸ В. П. Аничков имеет в виду прошение В. Е. Грум-Гржимайло об увольнении от должности председателя Научно-технического совета черных металлов от 18 июня 1928 года, опубликованное в эмигрантской печати. См.: Борьба за Россию. [Париж], 1928. 1/06. С. 3–7.
- ¹⁹ В действительности В. Е. Грум-Гржимайло умер от рака желудка и желтухи в 1928 году. Об этом см.: Известия. 1928. 2 нояб.
- ²⁰ Истинные события подробно описаны в указанных здесь публикациях под редакцией проф. М. Е. Главацкого.
- ²¹ Воспоминания В. П. Аничкова о В. Е. Грум-Гржимайло воспроизводятся по авторской вставке 1934 года из второй части мемуаров под названием «Омск», которые хронологически последовательно продолжают первую часть «Екатеринбург. Революция», но логически данный сюжет относится к первой части. Это, на мой взгляд, позволяет без нарушения авторского замысла и характера мемуаров соединить их.